

Leventow Xpucmocr u Epen.

П. Г. ЛЕВЕРТОВЪ.

Христосъ □ □
□ □ **и Евреи.**

ВЫПУСКЪ I.

— — — — —
L. J. S.
— — — — —

Издание П. Г. ЛЕВЕРТОВА,

Варшава, Польная. 46 а. Телеф. 236—33.

1912.

<http://rcin.org.pl>

БИЛЕТЪ № 60

ДЛЯ

ВАРШАВСКАГО ЦЕНЗУРНАГО КОМИТЕТА.

Типографія А. Г. Сыркина, помѣщающаяся по
Хмѣльной улицѣ № 26, имѣеть честь представить
узаконенное число экземпляровъ сочиненія п. з.....

*„Христіанскіе и Еврейскіе“ соч.
П. С. Левертнова*

отпечатаннаго въ количествѣ *3000* экзempl., заклю-
чающаго въ себѣ *2* печатн. листовъ въ *1/8*
долю листа.

г. Варшава „*2*“ *Январь* 19 *11* года

Управляющій Типографіи

П. Г. ЛЕВЕРТОВЪ.

ХРИСТОСЪ □ □
□ □ И ЕВРЕИ.

—
ВЫПУСКЪ I.
—

• INSTYTUT
BADAN LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-116 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

Изданіе П. Г. ЛЕВЕРТОВА,

Варшава, Польная 46а. Телеф. 236—33.

1912.

22.190

Христосъ и Евреи.

„Коренная разница между христіанствомъ и іудаизмомъ состоитъ въ слѣдующемъ: историческій іудаизмъ — религія законовъ, регламентирующихъ существующее, устанавливающихъ нормы для земной реальной жизни; первоначальное же христіанство — религія идеалистическаго порыва, безудержное стремленіе къ должному“. — Таково мнѣніе извѣстнаго еврейскаго публициста (націоналиста) „Ben Issroel“, выступившаго съ интересной статьёй по этому вопросу на страницахъ научнаго древне-еврейскаго журнала „Haschiloach“ № 2 (1911 г.) 120—128. Нечего говорить, что статья эта вызвала отпоръ и протесты со стороны еврейской іудаистической прессы, а „Freind“ (№№ 88, 90), въ лицѣ г. Танхума, съ горечью констатируетъ, что „колыбелью неохристіанскаго ученія *) является благонамѣреннѣйшій и ультранационалистическій „Haschiloach“, на столбцахъ котораго впервые и появились статьи съ неохристіанскимъ оттѣнкомъ“. Излишне, понятно, говорить о несостоятельности мнѣнія г. Танхума, ибо каждый грамотный человѣкъ знаетъ, что колыбелью христіанскаго ученія является не г. Одесса, гдѣ издается „Haschiloach“, а Палестина, Галлилея, гдѣ впервые раздался голосъ Христа, гдѣ Христосъ впервые обратился со Своими великими словами къ евреямъ... И первые поклонники Христа и первые Его сторонники были евреи... Христіанское теченіе среди евреевъ вовсе не является модой; уже съ самаго возникновенія христіанства евреи стремились къ Христу постольку, поскольку они стремились къ правдѣ. И если въ послѣдніе годы теченіе это рельефнѣе выдѣлилось, сильнѣе

*) Среди евреевъ.

захватило евреевъ, то это объясняется только тѣмъ, что человѣчество, вообще и еврейство, въ частности, начало больше разсуждать, больше думать. Христіанство среди евреевъ не мода, не новость, а отвѣтъ на тѣ запросы, которые появились у нихъ. Христіанство — запросъ жизни, это та правда, къ которой стремится, сознательно или безсознательно, каждый человѣкъ, въ которомъ не угасла то святое, хорошее, что отличаетъ человѣка отъ животнаго. Благая Вѣсть о жизни и дѣяніяхъ Господа нашего Иисуса Христа — Царя и Мессія Іудейскаго, Спасителя міра, разнеслась впервые среди всѣхъ народовъ евреями, ибо первые апостолы были евреи.

Таково наше мнѣніе, и мы считаемъ его единственно-правильнымъ, что мы и старались доказать въ нашихъ произведеніяхъ, и что намъ, мы надѣемся, также удастся доказать нашимъ изданіемъ „Христось и Евреи“, къ первому выпуску котораго мы приступили.

И приступая къ нашему изданію, намъ съ горечью и болью приходится констатировать, что, къ сожалѣнію, стремленіе евреевъ ко Христу встрѣчаетъ препятствія не только со стороны евреевъ, но и со стороны христіанъ.

Многіе христіане своими поступками и отношеніемъ къ евреямъ возстанавливаютъ послѣднихъ противъ себя. Между тѣмъ, Христось, будучи олицетвореніемъ божественной всепрощающей и всеобъемлющей любви, безусловно привлекаетъ къ Себѣ сердце человѣческое, независимо отъ того, въ представителѣ какой національности оно бьется. У извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Де Ле-Руа мы находимъ слѣдующую, въ высшей степени характерную мысль: „Многіе христіане (отцы и дѣды которыхъ были уже христіанами) не такъ серьезно занимаются вопросами Христова ученія, не ставятъ Христа на такой высокой пьедесталь, какъ евреи, интересующіеся Христомъ. Какъ тяжело и неприятно за христіанъ, подписывающихъ себѣ этимъ обвинительный приговоръ“. **)

**) *Neujüdische Stimmen über Jesum Christum*, gesammelt von Lie Joh. de le Roi.

Schriften des Institutum Judaicum in Berlin Nr. 39.

Herausgegeben von Prof. Hermann L. Strack.

Почему то Христіане привыкли смотрѣть на еврея, принимающаго христіанство, какъ на человѣка, желающаго этимъ добиться извѣстныхъ правъ, матеріальныхъ выгодъ. Людей, торгующихъ своими убѣжденіями, вездѣ много, и еврейство, конечно, исключенія не составляетъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что „торговля убѣжденіями“ является преимуществомъ еврейскаго народа. Если-бы мы пожелали добросовѣстно просмотрѣть исторію христіанскихъ народовъ, то мы убѣдились-бы въ несостоятельности такого взгляда.

Ниже мы печатаемъ рядъ писемъ молодыхъ евреевъ и евреекъ, увѣровавшихъ во Христа. Эти человѣческіе документы, можетъ быть, въ теологическомъ и догматическомъ отношеніяхъ не совсѣмъ корректны, но зато они, что важнѣе всего, искренни. Читая эти письма, Вы видите предъ собой обнаженную человѣческую душу, стремящуюся къ добру, свѣту и правдѣ, ко Христу. Большинство авторовъ этихъ писемъ съ принятіемъ христіанства вовсе не измѣнили своего соціального положенія, что подтверждаетъ наше убѣжденіе, что *большинство* ищетъ Христа, а не выгоды. И нужно сознаться, что даже евреи, не вѣрующіе въ Христа, умѣютъ отличать личность Христа отъ тѣхъ христіанъ-гонителей, которые относятся къ евреямъ далеко не по христіански. „Христось любилъ насъ и предалъ Себя за насъ“; а подъ словомъ „насъ“ Христось понималъ все человѣчество, а не только современныхъ христіанъ. Къ сожалѣнію, многіе христіане забыли то, о чемъ такъ опредѣленно говорили Христось и апостолы.

Какъ недостойно христіанина отрицательное отношеніе къ евреямъ, такъ неоснователенъ и установившійся среди евреевъ взглядъ, что еврей-христіанинъ — измѣнникъ еврейскому народу. Если евреи захотятъ припомнить себѣ имена своихъ защитниковъ, то они увидятъ, что во главѣ послѣднихъ стоятъ еврей-христіане. Эти послѣдніе, своею вѣрою въ Іисуса, какъ Мессію Израиля и Спасителя міра, отнюдь не перестаютъ быть евреями, а наоборотъ, тогда-лишь дѣйствительно становятся Израильтянами...

И даже въ Палестинѣ, по словамъ Ахадъ-Гаама, (апрѣльская книжка „*Naschiloach*“ за 1911 г.) на страницахъ еврейской печати раздаются голоса за христіанство, и Хри-

стова Вѣра все больше и больше захватываетъ палестинскую еврейскую молодежь. Ахадъ-Гаамъ опасается, что „если-бы англійскіе миссіонеры узнали, какія идеи проповѣдуются теперь среди еврейской молодежи въ Палестинѣ, они могли-бы только радоваться; они узрѣли-бы въ этомъ первые симптомы осуществленія ихъ завѣтной мечты: возрожденіе на св. землѣ Богомъ избраннаго народа, увѣровавшаго во Христа“. И то, чего такъ боится еврейскій писатель, каждый истинный христіанинъ (безразлично къ какой-бы національности онъ ни принадлежалъ) долженъ привѣтствовать, ибо правда и жизнь во Христѣ и въ Его Евангеліи...

„За Евангельскую Вѣру,
За Христа мы постоимъ!
Слѣдуя Его примѣру,
Все впередъ, впередъ за Нимъ!
Жарокъ бой и страшно пламя
И колеблются мѣста;
Поднимайте выше знамя
Побѣдители Христа!“

Варшава, Декабря 1911 г.

Павель Тригорьевичъ Левертовъ.

Нижеприведенные письма евреевъ о Христѣ служатъ показателемъ отношенія многихъ евреевъ къ Христу и христіанству, и замѣчательно характеризуютъ нашу еврейскую молодежь, ея настроенія и стремленія. Какъ мы уже говорили, письма эти нѣсколько грѣшатъ противъ теологіи и догматики, а нѣкоторыя и противъ логики, но главная заслуга ихъ это безпредѣльная искренность и правдивость.

Никто не посмѣетъ, понятно, отрицать того, что каждое напечатанное нами письмо безусловно является документомъ человѣческой души.

Мы глубоко убѣждены, что каждый человѣкъ, въ которомъ еще не угасла искра Божія, отнесется къ этимъ документамъ съ должнымъ уваженіемъ, ибо авторы этихъ писемъ исповѣдуются предъ Вами, обнажаютъ свои души.

Письма напечатаны почти безъ измѣненій, за исключеніемъ неизбѣжныхъ стилистическихъ поправокъ.

Родился я въ городѣ В. въ 1886 году. За время моего воспитанія дома, не помню, чтобы мнѣ приходилось слышать что-нибудь о религіи. Правда, до моихъ ушей доходили разговоры, касающіеся вопросовъ о еврейской націи, случалось слышать и разговоры, предметомъ которыхъ были рѣшенія разныхъ казусовъ обрядовой стороны религіи, но о самой религіи, объ ея существѣ, о догматахъ вѣры, я не имѣлъ понятія, и вопросъ религіи сводился у меня, до нѣкоторыхъ поръ, только къ обрядовой сторонѣ. Еврейскій учитель, котораго ко мнѣ приставили, (такъ водилось въ нашей средѣ) тоже нисколько не старался затронуть во мнѣ вопроса о религіи въ лучшемъ смыслѣ слова, и задачу свою, какъ наставника, онъ свелъ только къ изученію древне-еврейскаго языка.

Такое поверхностное исповѣдываніе религіи, сводящееся только къ внѣшней сторонѣ ея, равно какъ культъ сухого, для пытливаго дѣтскаго ума, древне-еврейскаго языка, не могли, конечно, удовлетворить меня, когда я началъ умственно созрѣвать. Товарищеская среда тоже оказала свое вліяніе, и уже въ старшихъ классахъ гимназіи я, пробуя сначала, не накажетъ ли меня Богъ, имя Котораго я слышалъ, а потомъ и совсѣмъ забывая о Немъ, началъ пренебрегать традиціями, переданными мнѣ родителями и средой, и, такимъ образомъ, вообще отсталъ отъ всякой, даже внѣшне-пристегнутой религіи, отсталъ очень легко, такъ какъ сердце мое не было ею затронуто.

По окончаніи гимназіи, я поступилъ въ университетъ, на отдѣленіе естественныхъ наукъ.

Но тутъ случилось нѣчто, чего я никакъ не могъ предвидѣть. Начавъ серьезнѣе, болѣе осмысленно и самостоятельно заниматься, я сталъ гораздо серьезнѣе анализи-

ровать все, что меня окружало, и, какъ у всякаго человѣка, жизнь котораго начинаетъ пробуждаться, подавленное и заглушенное чувство котораго начинаетъ просыпаться, я началъ задумываться, составлять, переоцѣнивать всю сумму свѣдѣній, положеній и т. п.

Тутъ заговорило во мнѣ и чувство, и передъ мной предстала во всей своей шири вопросъ о религіи. У товарищей-христіанъ, съ которыми я столкнулся въ университетѣ, съ которыми я сблизился и вмѣстѣ жилъ, я замѣтилъ что-то неуловимое, которое меня заставляло всегда задумываться. Мнѣ всегда приходило на умъ, что у этихъ людей есть нѣчто, что поддерживаетъ ихъ духъ, что у нихъ есть нѣкоторая правда, въ которой они находятъ утѣшеніе даже въ самые трудные моменты жизни, когда человѣкъ теряетъ всякую почву подъ ногами и чувствуетъ себя ничтожной точкою космоса.

Послѣ долгихъ размышленій, подчасъ очень мучительныхъ, доходившихъ иногда прямо до терзаній, мнѣ стало понятнымъ, что этой правдой должна быть религія. И вотъ я началъ знакомиться съ религіями, главнымъ образомъ съ еврейской и христіанской. Съ еврейской религіей я ознакомился по первоисточнику, по Вѣтхому Завѣту, который я читалъ въ русскомъ переводѣ. Въ законахъ Моисея я никакъ не могъ найти отвѣта на вопросы души моей.

На каждомъ шагу меня подавляло постоянное забрасываніе камнями...

Отъ Вѣтхаго Завѣта я перешелъ къ Новому, и тутъ мнѣ открылся новый міръ...

Послѣднее время я былъ очень сильно занятъ въ университетѣ, и занятія нѣсколько отодвинули мои сомнѣнія и волненія. Но послѣ окончанія университета, сомнѣнія опять начали терзать мою душу, и въ то же время все чаще и чаще передо мною появляется свѣтлый образъ Христа.

Я. Л.

Я родился въ маленькомъ городкѣ Радомской губерніи, въ образованной еврейской семьѣ. Первоначальнаго религіознаго воспитанія я, собственно, не получилъ, какъ это большей частью бываетъ въ интеллигентныхъ еврейскихъ семьяхъ, но, отличаясь отъ природы необыкновенной впечатлительностью и любознательностью, я рано сталъ интересоваться вопросами, какъ еврейской такъ и христіанской религіи. Особенно сталъ вникать во внутренній смыслъ и сущность христіанства. Меня сильно волновалъ и мучилъ жгучій вопросъ: почему евреи чуждаются христіанства и такъ плохо смотрятъ на него. Послѣ долгихъ размышленій, частыхъ бесѣдъ съ свѣдующими лицами въ области теологіи и чтенія серьезныхъ сочиненій, посвященныхъ религіознымъ вопросамъ, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что корень зла заключается въ томъ, что еврейская масса не имѣетъ никакого представленія о сущности христіанства, такъ какъ невѣжественное еврейское духовенство изображаетъ христіанство въ самомъ искаженномъ видѣ, и благодаря этому еврейскій народъ впалъ въ заблужденіе и идетъ по ложному пути. Я проникся сознаніемъ, что только въ глубокомъ пониманіи завѣтовъ Христа, въ горячей вѣрѣ въ Него и заключается спасеніе, и я могу, наконецъ, найти успокоеніе для своей наболѣвшей души. Итакъ, проникнутый идеалами и догматами христіанской религіи, я отъ всей души желаю вступить въ ряды истинныхъ христіанъ.

С. М.

Родился я въ одномъ изъ небольшихъ городковъ Малороссіи отъ состоятельныхъ и интеллигентныхъ родителей. Меня воспитывали далеко не въ духѣ Моисеева закона. Не говоря о томъ, что меня не посылали въ „хедеръ“ и не водили въ синагогу — я даже не имѣлъ понятія о догматахъ еврейской вѣры. Со временемъ я познакомился съ ними, читая въ переводѣ Вѣтхій Завѣтъ. Обладая отъ природы способностью критически относиться ко всему въ мірѣ и не имѣя любви къ традиціямъ, такъ какъ воспитаніе ея мнѣ не дало, я скоро началъ сомнѣваться, все ли, написанное въ Ветхомъ Завѣтѣ, истинно. Такъ, на примѣръ, я зналъ, что Моисей позволяетъ мстить за оскорбленіе и въ то-же время сознавалъ, что слѣдуетъ прощать. Когда я, будучи ребенкомъ, избилъ товарища, отецъ *доказалъ* мнѣ, что этого дѣлать не слѣдовало, но когда я привелъ ему текстъ: „Око за око и зубъ за зубъ“, онъ ничего мнѣ не возразилъ. Этотъ не выдающійся случай поселилъ во мнѣ глухую неприязнь къ законамъ Мойсея. Скоро я узналъ, что есть и другіе завѣты, вполне согласующіеся съ требованіемъ высшей совѣсти. Я узналъ, что эти завѣты создалъ Христось. Еще зная очень мало о сущности христіанства, я окружалъ это Имя ореоломъ. Впослѣдствіи же я познакомился съ личностью Христа, и на Его словахъ началъ строить свое міросозерцаніе. Я скоро пришелъ къ глубокому убѣжденію, что слѣдуетъ стать истиннымъ христіаниномъ...

Л. Т.

Родился я 28-го ноября 1893 года въ небольшомъ городѣ Таврической губерніи. Выросъ я въ семьѣ, проникнутой духомъ высокихъ гуманитарныхъ идей. Передъ моими глазами былъ всегда примѣръ высокой дѣятельной любви къ людямъ въ лицѣ моей матери, тонкой, чуткой альтруистики. Она никогда не хвасталась своими добрыми дѣлами, а всегда дѣлала ихъ тихо, никогда не уколовъ самолюбія того, кому приходилось оказывать помощь. Мой дѣдъ и отецъ, очень нравственные люди, были для меня живыми примѣрами христіанской добродѣтели. Русская литература, проникнутая духомъ Христова ученія, была источникомъ моихъ познаній о жизни. Когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, дѣдушка далъ мнѣ Библію и Новый Завѣтъ, которые я такимъ образомъ прочелъ еще въ раннемъ дѣтствѣ. Я росъ, согрѣваемый свѣтомъ христіанской любви, Христосъ былъ въ моихъ глазахъ божественнымъ идеаломъ. Мало-по-малу мнѣ стало ясно, что сущность трагедіи нашего еврейскаго народа, это его ложное отношеніе къ личности Спасителя.

С. Д.

Человѣческая жизнь своимъ разнообразіемъ ставитъ намъ много трудно разрѣшимыхъ проблемъ, усложняющихъ логическій ходъ нашего пути. Въ окружающемъ насъ мірѣ мы ищемъ разрѣшенія загадокъ нашей жизни.

Религіозная проблема — самая сложная и самая глубокая изъ всѣхъ проблемъ жизни.

Я долженъ сознаться, что вопросы религіи, въ смыслѣ этически-филосовскомъ, мало занимали меня въ юности. Мать свою потерялъ я очень рано, шести лѣтъ отъ роду. Отецъ, хотя и былъ человѣкомъ религіознымъ, но, занятый всецѣло изысканіемъ матеріальныхъ средствъ для прокормленія громадной семьи (насъ было 9 человѣкъ дѣтей), — не далъ намъ ничего въ этомъ смыслѣ.

Да и религіозность его была чисто внѣшняя. Онъ боялся грознаго Бога, молился Ему. Не получивъ никакого образованія, онъ не вникалъ въ глубь религіозныхъ вопросовъ, не подходилъ къ нимъ съ критическимъ анализомъ, а, принявъ на вѣру все то, что получилъ въ еврейской школѣ въ дѣтствѣ, а затѣмъ отъ своихъ родныхъ, наивно вѣрилъ въ догматы и принципы традиціоннаго іудаизма.

Меня лично впервые заинтересовали вопросы религіи на университетской скамьѣ, въ Петербургѣ.

Выступленія многихъ референтовъ съ лекціями религіозно-филосовскаго характера создали въ душѣ нѣчто вродѣ порыва къ болѣе широкому знакомству съ вопросомъ религіи, вообще, и съ христіанствомъ, въ частности. Жизнь поставила предо мнѣ вопросъ:

„Въ чемъ заключается могучее обаяніе личности Христа, что за нимъ пошли сотни милліоновъ людей?“

Девятнадцать вѣковъ неослабной жизни христіанства, девятнадцать вѣковъ развитія и роста этой вѣры — поставили предо мной проблему религіи во всей глубинѣ.

И я сталъ разсматривать Христа сквозь призму своего разума, сталъ изучать Его жизнь.

Я хотѣлъ найти ту основную нить, которую Христось протянулъ чрезъ грань вѣковъ, которой онъ покори́лъ міръ.

Меня абсолютно не интересовалъ вопросъ о происхожденіи Христа.

Мнѣ было все равно — Богъ онъ иль человекъ. Я долженъ былъ знать, чѣмъ питалось Его обаяніе, чѣмъ покори́лъ онъ ортодоксальность іудеевъ, своихъ современниковъ, чѣмъ прошелъ онъ въ міръ и живетъ вотъ ужъ двадцатый вѣкъ.

Я долженъ былъ знать все это, и я это позналъ.

Я ясно вижу, что во главѣ жизни и ученія Христа стоитъ всепрощающая любовь, что эта любовь красной нитью проходитъ чрезъ всю жизнь Христа.

Не Богъ мести, а Богъ святого всепрощенія, Богъ вѣчной любви, Богъ блага, радости и мира.

Христось явился на грѣховную землю, какъ вѣстникъ великой любви, правды и красоты. Онъ явился въ Іудею въ тотъ періодъ, когда нравственность пала, когда при дворѣ Ирода царилъ развратъ, когда все истинно-человѣческое было забыто и поругано, и смѣло возвысилъ свой голосъ и призвалъ людей къ новой красивой и святой жизни въ общеніи съ Богомъ.

Онъ былъ смѣлымъ другомъ униженныхъ и оскорбленныхъ, Онъ былъ утѣшителемъ плачущихъ, насытителемъ голодныхъ, исцѣлителемъ больныхъ. Силою Своей любви, яркой и безкорыстной, обаяніемъ Своей личности, чистой и прекрасной, Онъ не только исцѣлялъ недуги духовные, но и физическіе.

Христіанство живетъ девятнадцать вѣковъ. На немъ много наслоеній, подчасъ затемняющихъ сущность его. Последователи Христа разбились на много группъ и создано много лишняго, ненужнаго. Но основная идея Его ученія — великая всепрощающая, божественная любовь,

правда и чистота, сіяють яркимъ свѣтомъ и понынѣ, освѣщающія самыя темныя углы нашего бытія.

Жизнь наша ужасна... Человѣчество развращено...

Идетъ безпрерывная борьба по всему фронту, но никакія революціи не создадутъ „царства Божія на землѣ“.

Нужна борьба въ душѣ человѣка. Нужно всѣмъ разумомъ и всѣмъ сердцемъ своимъ познать Бога, воспринять Его великую любовь и тогда... тогда ничего не страшно.

Когда всѣ люди будутъ узнавать безконечную любовь Бога во Христѣ, когда всѣ будутъ жить по завѣтамъ Его, когда великая истина „возлюби ближняго своего, какъ самого себя“ не будетъ красивымъ отвлеченнымъ настроеніемъ, а будетъ великой истиной внутренняго „я“ каждого человѣческаго индивидуума, тогда и только тогда засвѣтитъ яркое солнце царства Божія на землѣ.

П. Л.

Я родился въ городѣ Л., въ 1891 году. Первоначальное воспитаніе я получилъ въ домѣ моихъ родителей, подъ вліяніемъ которыхъ я находился почти до 13-ти лѣтъ, такъ какъ ни низшаго, ни средняго учебнаго заведенія до этого возраста я не посѣщаль. Особенное вліяніе на меня оказалъ мой отецъ. Несмотря на то, что онъ былъ очень хорошо знакомъ съ догматами еврейской вѣры и исторіей евреевъ, онъ тѣмъ не менѣе не заставлялъ своихъ сыновей съ дѣтства заниматься исключительно изученіемъ еврейскаго языка и „вѣры“ (какъ понимаетъ ее низшій слой общества), но знакомилъ ихъ также съ основными положеніями другихъ религій. Такое кажущееся противорѣчіе во взглядахъ отца моего на религію, по моему мнѣнію, можно объяснить слѣдующимъ образомъ: отецъ, получившій въ дѣтствѣ исключительно еврейское воспитаніе, а затѣмъ, самъ знакомясь, путемъ чтенія, съ основными догматами другихъ религій, впоследствии сознавалъ значительное превосходство на сторонѣ христіанства, на что указываютъ, какъ нельзя лучше, неоднократно имъ повторяемыя слова: „Самое гуманитарное изъ всѣхъ ученій является, конечно, ученіе Христа.“ Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ отца, я, конечно, съ раннихъ лѣтъ долженъ былъ проникнуться любовью и уваженіемъ сначала къ образу Христа, а затѣмъ и къ Его ученію. Во время пребыванія моего въ гимназій (приблизительно съ IV класса) я постоянно посѣщаль уроки христіанскаго Закона Божія, пребываніе на которыхъ окончательно заставило меня убѣдиться въ абсолютной правдѣ Евангелія. За выраженіе: „Евангеліе должно быть настольной книгой у всякаго еврея“, мнѣ неоднократно приходилось покидать классъ, въ видѣ наказанія со стороны преподавателя еврейскаго Закона Божія, и въ аттестатѣ зрѣлости у меня по этому предмету 4, а не 5, какъ у прочихъ товарищей.

Еврей *А. Ш.*

Я начинаю помнить себя съ 5-ти-лѣтняго возраста. Болѣе ранній періодъ моей жизни такъ неясно представляется въ моей памяти, что нѣтъ никакой возможности возстановить хотя бы одинъ какой-нибудь болѣе или менѣе значительный эпизодъ. Я началъ очень рано учиться. Въ этотъ описываемый періодъ я читалъ уже по-русски и по-еврейски. Отецъ мой -- приказчикъ въ одномъ магазинѣ — желалъ „сдѣлать“ изъ меня доктора или инженера, какъ говорилъ онъ. Мать также присоединилась къ этому желанію. И вотъ меня отдали въ „хедеръ“, къ самому ученому въ нашей деревнѣ еврею. Бросая ретроспективный взглядъ на методы и способы внушенія наукъ, я могу лишь теперь дать болѣе или менѣе правильную оцѣнку этимъ антипедагогическимъ приѣмамъ. Я долженъ сознаться, что та непосредственная цѣль, которую ставилъ себѣ мой учитель, — сдѣлать изъ меня добраго, благочестиваго еврея, вполне не удалась ему. Не знали ни онъ, ни родители мои, куда направить пробуждающуюся мысль, какъ объяснить то непонятное для меня въ окружающей природѣ, что вызывало напряженіе моего вниманія и дѣтской любознательности; и вмѣсто того, чтобы приблизить меня къ уразумѣнію, къ познанію истины, они еще больше отталкивали ее отъ меня, объясняя Бога, какъ Творца чудесъ и фокусовъ, въ родѣ тѣхъ, что съ неба бросались Имъ пятаки за прилежаніе. Это давало пищу размышленію. А что такое Богъ, а что такое ангелы? — Ангелы — это слуги Бога, а Богъ? Богъ — это, это... Эти останки, задержки при объясненіи ставили меня втупикъ. Вопросъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, оставался открытымъ. Богъ отдавался произволу моей фантазіи. Какъ „плѣнной мысли раздраженіе“ Богъ доминировалъ въ душѣ!

Что-то большое, грозное, вставало въ моемъ мозгу. Громъ-ли, молнія — я творилъ соотвѣтственную молитву Богу. Въ радости и слезахъ — тотъ же Богъ! Мой дѣтскій умъ не могъ вмѣстить этихъ разнообразныхъ переживаній! Такія взаимно исключающія другъ друга чувства — горе и радость имѣютъ своимъ источникомъ Бога. Было страшно, непонятно! Было страшно: я боялся Бога...

Умерла у меня сестра. Смерть ея мнѣ мать объяснила какъ наказаніе Бога за грѣхи!.. Грѣхи?!... Чьи грѣхи? А что такое грѣхъ?... Такіе вопросы вставали въ моемъ разгоряченномъ мозгу. Богъ убралъ къ себѣ мою сестру, и больше я не увижу ея?!... Вѣдь я люблю ее, съ кѣмъ играть, гулять я буду? Страшный, жестокій Богъ, — я боюсь Тебя! Такое, скажу я, эгоистическое отношеніе къ Богу продолжалось во мнѣ слишкомъ долго.

На восьмомъ году моей жизни мои родители переѣхали въ г. М. Здѣсь началась моя систематическая подготовка къ тому, чтобы я „сталъ инженеромъ“... Я держалъ вступительный экзаменъ въ первый классъ мѣстнаго реального училища. И здѣсь я столкнулся въ первый разъ съ той вопіющей несправедливостью, которую называютъ „еврейскимъ безправіемъ“: я не попалъ въ училище, благодаря процентной нормѣ. Пришлось остаться за бортомъ и на вольномъ воздухѣ продолжать свое образованіе. Свобода выбора того или иного образа дѣйствій, самообразованіе, не стѣсняемое никакими оффиціальными рамками, давали много точекъ соприкосновеній съ религіозными настроеніями. Я самостоятельно созерцалъ, мыслить. Я хотѣлъ обнять, хотѣлъ постичь!... Да и во многомъ способствовало мнѣ пребываніе въ еврейской школѣ — хедерѣ. Изученіе древне-еврейской литературы, догматовъ религіи, давало много импульсовъ, ставило рядъ вопросовъ, на которые я нигдѣ не находилъ отвѣта. Много, слишкомъ много страннаго приходилось мнѣ испытывать при желаніи отвѣтить на тотъ или иной волновавшій меня вопросъ. Я долго не могъ понять, какая собственно разница въ принципахъ христіанства и іудаизма. Одно и тоже пониманіе Бога, какъ великаго, всемогущаго Творца. Творецъ вселенной, руководитель жизни человѣка! „Благъ Податель, души моей

Царь!...“ Хвала возносилась на небо въ тѣхъ же словахъ!.. Въ чемъ же существенное отличіе, гдѣ та граница, такъ рѣзко раздѣляющая огромную часть человѣчества на двѣ самостоятельныя группы?...

Христіанство, какъ таковое, стало выясняться для меня лишь во время болѣе или менѣе развитой мысли, въ періодъ болѣе глубокаго и обоснованнаго отношенія къ вещамъ... А до этого я понималъ только, что христіанинъ не еврей, а еврей не христіанинъ.

Окончить реальное училище мнѣ пришлось при весьма необычайныхъ обстоятельствахъ. Благодаря нѣкоторымъ семейнымъ условіямъ, я долженъ былъ перенести свои экзамены въ Кишиневъ. Незадолго до начала экзаменаціонной сессіи произошло такое событіе, которое, думаю, никогда въ жизни не изгладится въ памяти. Мнѣ пришлось пережить знаменитую кишиневскую бойню — погромъ 1903 года. Само побоище протекало при такихъ условіяхъ, что мысль невольно становится втупикъ, и, кажется, претерпѣваетъ тотъ послѣдній этапъ, который можно было бы назвать оцѣпенѣніемъ! Смерть, кровь!

Кровь человѣческая лилась рѣкой! Кровь изъ-за того, что я не христіанинъ! Убивали евреевъ, т. е. нехристіанъ. Мысль корчилась въ мукахъ, прожигала мозгъ! Я думалъ, какъ плакалъ-бы Христось, какъ содрогнулось бы сердце Его при видѣ людей съ окровавленными руками! Кровь отъ послѣдней жертвы еще дымится на ножахъ „христіанъ“, и они благоговѣйно обращаютъ свой взоръ на иконы храма и творятъ крестное знаменіе!!! Это кощунство произвело въ душѣ моей страшный переворотъ... Я не зналъ, гдѣ искать выхода противорѣчіямъ!.. Я зналъ, что противорѣчіе только въ человѣкѣ. Мнѣ тяжело, слишкомъ тяжело еще разъ въ мысли пережить этотъ круговоротъ событій, этотъ ужасъ крови, смерти!..

Вообще этотъ періодъ моей сознательной жизни полонъ революціями въ области душевныхъ переживаній. Все подвергалось переоцѣнкѣ, ломкѣ... Разрушались храмы, идеалы... Воздвигались новые и новые... Жизнь, хотя уже и давшая трещину во многихъ мѣстахъ, все же обѣщала въ будущемъ столько прекраснаго, столько счастья...

Перспективы, высшая школа, любовь къ дѣвушкамъ... Мозгъ горѣлъ, мозгъ былъ все время напряженъ!... Какой-то оптимизмъ, радостный, красивый оптимизмъ мыслящаго человѣка. Вѣра въ человѣка, въ эволюцію человѣчества. Уничтоженіе, или стремленіе къ уничтоженію зла на землѣ!.. Господи, страшно подумать, какъ все это осталось только въ области платоническихъ переживаній! „Суждены намъ благіе порывы. свернуть ничего не дано!...“ Я слишкомъ усердно искалъ „философскаго камня“ жизни, искалъ абстракцію...

Не я нашелъ Бога, а Онъ меня нашелъ...

Люблю я Христа, моего Спасителя; Бога, Отца моего.

Л. К.

Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я безпрестанно задаю себѣ вопросы, гдѣ смыслъ, гдѣ цѣль жизни? Я знаю, что не только меня волнуютъ подобные вопросы, что очень и очень многіе жаждутъ яснаго, опредѣденнаго отвѣта. Мнѣ приходилось сталкиваться съ различными мнѣніями по этому поводу, съ еще болѣе разнорѣчивыми отвѣтами на волновавшіе меня вопросы, но несмотря на правдоподобность или логичность этихъ отвѣтовъ, я все же чувствовалъ неудовлетворенность и продолжалъ блуждать все въ томъ же невѣдѣніи, продолжалъ искать новыхъ путей, становясь на которые я обрѣлъ бы душевное успокоеніе.

Воспитавшись въ религіозной еврейской семьѣ, я не былъ чуждъ религіи, вѣры. До сознательнаго пониманія этой вѣры меня никто не старался поднять, пока я самъ, вступивъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, сталъ приходиться къ заключенію, что еврейство на протяженіи многихъ вѣковъ растеряло свою религію, оставшись при всемъ томъ наносномъ, ненужномъ, что человѣка мыслящаго, ищущаго, удивлетворить не можетъ...

Я сталъ интересоваться ученіемъ Христа. Шагъ за шагомъ я приблизился къ тѣмъ отвѣтамъ, которыхъ такъ давно и тщетно искалъ. Я понялъ, что только Христосъ можетъ освободить меня и все человѣчество отъ зла и дать удовлетвореніе и успокоеніе душѣ.

Жить во Христѣ — вотъ цѣль жизни, вотъ смыслъ ея!

Л. К

Происхожу я изъ еврейской семьи. Взгляды моихъ родителей-воспитателей на жизнь, вообще, а на воспитаніе дѣтей—въ особенности—были либеральны: въ нихъ гораздо больше замѣчалось гуманности и человѣколюбія, нежели фанатизма и узкаго націонализма. Своимъ воспитаніемъ родители мои стремились развить во мнѣ человѣка, способнаго жить и работать на благо общее.

Всякіе узкіе споры съ религіозно національнымъ отгѣнкомъ, кромѣ понятія о чемъ-то великомъ, міровомъ, всемогущемъ, были чужды моей душѣ. Когда мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, меня отдали въ пансіонъ. Какъ обыкновенно бываетъ среди дѣтей, у насъ часто происходили дѣтскіе споры, столь неизбѣжны въ такой разношерстной массѣ, какую собой вообще представляютъ всѣ учебныя заведенія. Каждый изъ спорившихъ хотѣлъ выдвинуть и разукрасить свое вѣрованіе — религію. Въ этихъ спорахъ я принимала участіе; и тогда то мнѣ впервые пришлось столкнуться съ узкими фанатично-религіозными взглядами. Тогда-то впервые мнѣ былъ нанесенъ нравственный ударъ, смутилось мое, до сихъ поръ свято-оберегаемое, чувство человѣколюбія, чувство широкое, свободное. Тогда-то я и стала сильно интересоваться и читать много о сущности іудейской и христіанской религіи, желая найти въ нихъ отвѣтъ на многое. Трудно, да и не мѣсто говорить здѣсь о всѣхъ переживаніяхъ душевныхъ, скажу лишь, что, познакомившись со многими религіозными направленіями, въ душѣ моей одерживала всегда побѣду надъ иными понятіями понятія гуманности, заложенныя во мнѣ Богомъ, и поддерживаемыя во мнѣ моимъ домашнимъ воспитаніемъ, понятія, заставляющія меня видѣть въ каждомъ человѣкѣ не столько того или иного узкаго приверженца моей или иной религіи, сколько человѣка, именно человѣка; на прочее, которое такъ сильно коробило мою душу, я смотрѣла, какъ на плоды невѣжества

и фанатизма. Получивъ среднее образованіе 15 лѣтъ, я до 18-ти-лѣтняго возраста занималась изученіемъ музыки, языковъ. Имѣя много свободнаго времени, я много читала, познакомилась со многими явленіями жизни. Вопросъ же о религіи былъ для меня всегда открытымъ. Прошло еще время, многое пришлось пережить, часто анализировать свои переживанія, стремленія. Затѣмъ я поступила въ высшее учебное заведеніе. Я все продолжала всматриваться во многія явленія жизни, все ближе соприкасалась съ жизнью, во мнѣ все болѣе и болѣе пробуждалось критическое отношеніе ко всему окружающему. Какъ обыкновенно бываетъ, это броженіе, эта постоянная борьба, все болѣе усиливавшаяся во мнѣ, всѣ вопросы, поставленные ребромъ самой жизнью въ моемъ сознаніи, становились для меня все болѣе и болѣе назойливыми. Душа, измучившись исканіями, требовала отвѣта, требовала пищи, дающей силы жить и работать, развивающей и укрѣпляющей въ насъ жизнеспособность. Я много надъ этимъ работала и работаю и, кажется, теперь я снова накануне какого-то душевнаго перелома, который мнѣ кажется дать желаемое. Я все яснѣе и яснѣе начинаю понимать, что вѣра — есть одинъ изъ двигателей жизни. Надо вѣрить въ лучшее, высшее. Мишенью для моей вѣры должно быть что-то высшее, неоспоримо чистое, идеальное, въ то же время близкое моей человѣческой природѣ. Такимъ источникомъ вѣры для меня—не можетъ быть какая бы то ни была религія со своими тѣми или иными догматами, культами, подвергающаяся тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ того или иного направленія жизни. Нужно большаго, а посему источникомъ моей вѣры является прекрасная Личность Христа, Личность неоспоримо божественная, любвеобильная. Эта Великая Личность вѣчно молода, свѣтла въ своемъ божественномъ величїи, передъ лицомъ тысячулѣтней человѣческой жизни. Въ нее я вѣрую... Начинаю новую жизнь.

Л. М.

Въ годы ранняго юношества я задавала постоянно вопросъ, почему человѣчество имѣеть столько разнообразныхъ религій и почему преобладающей религіей является христіанство. Знакомясь съ каждой изъ нихъ, я нашла самой близкой человѣческому сердцу и уму религію—христіанство; и когда я постепенно съ уходящими годами познакомилась и съ личностью Христа, я нашла, что Онъ не обыкновенный, какъ мы всѣ,—человѣкъ, а нѣкто, выше насъ стоящій, нѣкто, умѣющій призвать всѣхъ „трудящихся и обремененныхъ“ и влечь въ ихъ мертвыя души возраждающую силу, силу исцѣляющую, исцѣляющую алкоголика, развратника, превращающую человѣка въ сверхчеловѣка... Я поняла, что никакая другая религія не скажетъ моей душѣ того, что говорить Христосъ.

А годы шли, и я все больше познавала христіанство, я увѣровала во Христа, но принять христіанство официально не рѣшалась. Съ теченіемъ времени я встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ—евреемъ, вѣрующимъ во Христа. Онъ сдѣлался моимъ женихомъ. По господствующимъ законамъ въ Россійской Имперіи женихъ мой можетъ жениться на мнѣ, какъ на іудейкѣ (XI т. Св. Зак.), но я, твердо вѣруя во Христа, рѣшила стать членомъ Церкви Христовой.

Р. Б.

Родилась я въ состоятельной, интеллигентной еврейской семьѣ. До 8 лѣтъ, окруженная заботливостью и нѣжностью родныхъ, я провела свое дѣтство въ загородномъ мѣстѣ, (гдѣ отецъ мой состоялъ на службѣ) преимущественно среди христіанскаго населенія.

Родители мои не были людьми религіозными, но я, находясь подъ вліяніемъ старухи-няни, рѣрующей христіанки, росла воспріимчивымъ, религіознымъ ребенкомъ. Хорошая старая няня сыграла большую роль въ моей духовной жизни. Она учила меня многому, ея рассказы божественнаго содержанія были очень занимательны—это заставляло работать мое дѣтское воображеніе. Няня учила меня молиться; настраивая на свой ладъ, она вселила въ мою душу, какъ говорится, „Искру Божью“. Когда я подросла, меня отдали учиться въ пансіонъ. Родители очень заботились о томъ, чтобы дать мнѣ „хорошее“ воспитаніе въ современномъ духѣ. Будучи по природѣ впечатлительной и любознательной, я рано начала интересоваться жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мнѣ все хотѣлось знать, все понять самой, до всего добраться собственными силами. Я сказала себѣ словами поэта Надсона: „Надо жить—вотъ онъ, тяжелый вопросъ, вотъ она, роковая задача!“... Да, и для меня жизнь была трудной задачей! Съ любовью набросилась я на чтеніе. Я много читала, думала надъ прочитаннымъ и старалась разобратъся въ мысляхъ писателя. Фантазія быстро развивалась, и, наравнѣ съ нею, работало мое мышленье. Съ жаромъ юности принималась за все, что только привлекало мое вниманіе. Когда прошло еще немного времени, и жизнь коснулась меня поближе, предо мною открылся рядъ различныхъ головоломныхъ вопросовъ. Приобрѣтенныя мною знанія или, вѣрнѣе, понятія о жизни открыли мои глаза на многое. Я стала заглядывать въ самые затаенные уголки своей души и ра-

зума. Религія, какъ самая недоступная понятію чловѣка область, заняла у меня первое мѣсто среди многихъ другихъ, волнующихъ вопросовъ. Нѣкоторыя, трудно разрѣшимыя философскія проблемы, какъ напр.: безсмертіе души, загробная жизнь чловѣка интересовали меня прежде всего. Въ эти ранніе годы я уже чувствовала пустоту всей нашей бренной жизни. Копаясь въ собственной душѣ, я задавала себѣ цѣлый рядъ вопросовъ: для чего живетъ чловѣкъ? гдѣ и въ чемъ смыслъ его жизни? стоитъ ли вообще жить? Не находя отвѣта, я сознавала свое безсиліе. Никто не могъ сказать мнѣ, дѣйствительно-ли настолько бессмысленна и безцѣльна жизнь, насколько мнѣ это кажется? Но когда чловѣкъ не находитъ отвѣта вокругъ себя, онъ ищетъ тогда его уже въ самомъ себѣ.

И вотъ послѣ долгихъ, неустанныхъ размышленій, когда одна мысль старается опередить другую, когда тяжелыя, свинцовыя думы ложатся на душу и омрачаютъ разумъ,—когда единственный исходъ чловѣческой скорби остается искать въ смерти—тогда я поняла, что жизнь чловѣка въ вѣрѣ. Эта мысль осѣнила меня, какъ теплый, могучій лучъ весенняго солнца, которое долгое время было заковано зловѣщными, грозowymi тучами. Въ этой мысли было мое спасеніе, Я поняла, что вѣра — сущность чловѣческой жизни. Она уничтожаетъ сомнѣнія и является источникомъ согласія души съ разумомъ. Я вспомнила, кто первый явился на землю съ безграничной любовью къ людямъ — это былъ Спаситель—Исусъ Христосъ. Онъ Первый доказалъ міру, что источникъ силы духа для борьбы съ земной жизнью чловѣкъ черпаетъ въ своей вѣрѣ и любви къ Богу. Чловѣку безъ вѣры въ Бога жить нельзя, ибо, когда нѣтъ вѣры въ Бога, нѣтъ и надежды. Существованіе-же безъ надежды невозможно.

Чувствуя свою беспомощность, кружась въ безумной пляскѣ жизни, чловѣкъ можетъ найти душевное успокоеніе въ неограниченной вѣрѣ и любви къ Богу. Вопросъ о томъ,—вѣрю ли я? сталъ для меня вопросомъ жизни и смерти. Какова-же моя вѣра — вѣра еврейки? Развѣ мыслима вѣра въ Бога, безъ вѣры въ Спасителя Исуса Хр., который явился откровеніемъ Божимъ! Нѣтъ, я вѣрю глубоко

и убѣжденно, что Исусъ Христосъ посланъ Богомъ спасти чловѣчество отъ всякихъ бѣдъ и несчастій на землѣ, спасти мѣръ отъ падеи́я и дать людямъ новыя заповѣди, новую жизнь. Жертвуя 'Своей кровью и страдая за грѣхи людей, Онъ говорилъ имъ о великой любви Бога и нашей любви къ Нему и ближнему. Спаситель Исусъ Христосъ заповѣдалъ возлюбить даже врага своего. „Платите добромъ за зло“, а не „око за око и зубъ за зубъ“.

Спаситель все творилъ Именемъ Бога—и повелъ насъ къ правдѣ и свѣту. Да будетъ благословенно Имя Господне! Во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь!

С. Э.

Родился я въ бѣдной еврейской семьѣ. Отець мой — правовѣрный еврей ортодоксъ — учитель начальной еврейской школы, мать въ высшей степени набожная женщина. Нѣжныя заботы обо мнѣ со стороны моихъ родителей, съ самаго моего, ранняго возраста, заключались въ томъ, чтобы воспитать меня въ духѣ строго - религіозномъ. Съ этой цѣлью я былъ отданъ въ „Хедеръ“, гдѣ оставался въ періодъ времени отъ пяти до семнадцатилѣтняго возраста. Я, дѣйствительно, усердно учился, усвоилъ всѣ догматическія тонкости, всю премудрость іудаизма. Меня прочили даже въ духовные раввины. Таковыи вѣнность полученнаго мною нравственно-религіознаго воспитанія.

Но далеко не такъ блестяще покажется внутренняя, глубоко-психологическая сторона моего тогдашняго исканія Бога. Съ ужасомъ вспоминаю, что до 17-лѣтняго возраста я не только не исповѣдывалъ никакой религіи, но всецѣло былъ загипнотизированъ властью сатаны, такъ цѣпко обвившаго мою душу. Съ ужасомъ вспоминаю, что даже въ то время, когда я усердно молился, проливая горячія слезы, нѣжныя дѣтскія слезы, и тогда я стоялъ на колѣняхъ не передъ Всемогущимъ Богомъ, Котораго не объемлетъ мысль человѣческая, а передъ Діаволомъ, который въ переводѣ на человѣческій языкъ значить: грубое поклоненіе себѣ самому, эгоистическимъ цѣлямъ, всему тому, что такъ или иначе приносило мнѣ самому крупицу мнимаго счастья. Правда, еще въ раннемъ дѣтствѣ, изучая Библию, я нерѣдко задавалъ вопросы, на которые неохотно отвѣчали мои тогдашніе воспитатели. „Люби ближняго, какъ самого себя“ сказалъ Мойсей-законодатель. Удивительно остро вонзились въ мозгъ эти слова. Это я почувствовалъ сердцемъ, нервами, всѣмъ своимъ существомъ; удивительная правдивость, божественная теплота таится въ этихъ словахъ. Я склоненъ былъ удариться въ фи-

лософію, сдѣлать пѣлью своего существованія исканіе широко-оправдывающихъ мотивовъ этого великаго изрѣченія. Каково же было мое огорченіе, когда я прочитываю: „И увидѣлъ Мойсей, что никого нѣтъ, и убилъ египтянина и спряталъ его въ песокъ“. Такъ вотъ что значитъ любовь къ ближнему. Вотъ такіе поступки, такая идеологія приблизить меня къ Богу? Оказалось, что я ошибся, принявъ за ближняго: эллина, іудея, египтянина, такъ какъ Мойсей подразумѣвалъ ближняго еврея и только еврея. Я не понималъ тогда, почему евреи называются избранныками съ самой ранней ихъ исторической жизни. Кто далъ имъ поводъ вѣрить этому, оставаясь религіознымъ народомъ, вѣря въ истиннаго единаго Бога, которому чужды ненависть, счеты, виды, подраздѣленія? Истинному Богу такъ же не нужно такого односторонняго служенія, какъ и жертвоприношенія не души, а крови животныхъ, нерѣдко даже и людей. Я сталъ внимательно прочитывать еврейскую исторію. Къ моему великому огорченію, я замѣтилъ, что по всѣй исторіи религіи евреевъ красной нитью проходитъ грубый эгоизмъ, не знающій предѣловъ, не признающій никого, кромѣ себя, вытравлиющій всякую священную мысль о любви, всепрощеніи и удаляющій насъ на необозримое пространство отъ святаго Бога. Потомъ, для большей убѣжденности, я сталъ изучать другія религіи. Тутъ сразу озарило меня священнымъ огнемъ христіанство. Въ душѣ зажглось негаснущее пламя любви, истинной, не эгоистической, не корыстной, а чистой, искренней любви. Эта любовь не знаетъ предѣловъ, она безконечна, какъ безконеченъ свѣтъ Его, озарившій землю съ края до края. Она и только она облегчаетъ нашу жизнь на землѣ. Она даруетъ намъ тотъ чудный талисманъ, то гармонически цѣлое, которому имя [смиренье. „Любить враговъ своихъ“ прозвучало на нашей темной планетѣ, обогрѣнной кровью, кровью невинныхъ, не знавшихъ истиннаго Бога, людей. Вотъ правильное лѣченіе, вотъ радикальный путь, ведущій человѣчество къ совершенству, съ этимъ согласится въ тайникахъ души даже непоправимый преступникъ, если по братски заговоришь съ нимъ на понятномъ для него человѣческомъ языкѣ.

Съ тѣхъ поръ я сдѣлался въ душѣ христіаниномъ.

Затхлая, устарѣлая, не допускающая реформъ, догматическая сторона еврейства и безъ того меня мало тянула къ себѣ. Меня возмущало всегда индифферентное отношеніе еврейскаго духовенства къ Христіанству, въ смыслѣ недопущенія никакихъ точекъ примиренія между двумя религіозными теченіями. „Почему же не выслушивать обѣихъ сторонъ?“ задавалъ я вопросы представителямъ еврейской религіи. Оказывается, евреи ждутъ Мессіа, не учителя, не пророка, не Спасителя, а политика, который якобы освободитъ ихъ отъ рабства. Ихъ Мессіа нуженъ имъ для большаго удаленія отъ истиннаго Бога, какъ и было до разрушенія Храма. Между тѣмъ какъ Спаситель требовалъ покаянія, что не по духу Еврейству. Невѣра во Христа заключается еще въ томъ, что Евреи слишкомъ мало заботятся о спасеніи души, можетъ быть потому, что сильная борьба за существованіе убиваетъ въ человѣкѣ всякую мыслительную дѣятельность. Да, на это есть очень слабый мотивъ, вѣрнѣе, ничтожный постолько, поскольку рѣчь идетъ объ отношеніи человѣка къ Богу. Твердо вѣруя, что только Христосъ можетъ спасти мою душу, и только Онъ въ состояніи устранить гигантскую стѣну между мною и истиннымъ Богомъ, я отдаю себя всецѣло въ Его обаятельное вліяніе; на лонѣ христіанства я буду служить Богу, руководствуясь наставленіями Его Сына и находясь подъ Вѣчнымъ, всеобъемлющимъ свѣтомъ Святого Духа! Да поможетъ мнѣ Господь на этомъ пути.

Б.

Текущая жизнь, полная борьбы за существование, компромиссов, гнетет творческую мысль, дух человека. Мысль цепенѣет, черствѣет сердце, тяжесть на душѣ.

Невольно мысль наша ищетъ выхода изъ создавшагося лабиринта, ищетъ выхода изъ тяжелыхъ минутъ настоящаго, ищетъ покоя и радости.

Не въ жизненной борьбѣ, не въ удовлетвореніи плоти, не въ радостяхъ земного бытія находитъ мысль разрѣшеніе своихъ сомнѣній. Все глѣбно въ этомъ мірѣ. Мысль идетъ глубже, къ началу всѣхъ началъ, къ источникамъ высшей правды и находитъ въ Богѣ источникъ радости, чистоты и истины.

До шестого класса гимназіи меня почти не интересовали вопросы религіи. Весь поглощенный занятіями въ гимназіи, я былъ вообще далекъ отъ переживаній духа. Меня просто эти переживанія не трогали, не волновали. Родные мои были люди совершенно не религіозные. Рѣчи о Богѣ, о высшей правдѣ я и не слыхивалъ. Одно незначительное событіе перевернуло вверхъ дномъ все мое внутреннее я, всколыхнуло меня и указало новое русло теченіямъ моихъ мыслей.

Какъ-то весной мы большой компаніей отправились на пикникъ, за городъ. Было шумно, весело. Разговоры вертѣлись все вокругъ гимназическихъ интересовъ. Вдругъ быстро надвинулась гроза, страшная, гнетущая. Раскаты грома чередовались непрерывно съ яркими зигзагами молній. Полилъ страшный дождь, но громъ и молніи продолжались. Я зналъ физическое объясненіе и грому, и молніи, и грозѣ, зналъ и вѣрилъ въ это объясненіе, но гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души своей появилось сомнѣніе, которое росло все больше и больше. Начались каникулы; я уѣхалъ домой и съ жаромъ принялся за чтеніе книгъ по вопросамъ религіи. Я искалъ въ нихъ разрѣшенія моихъ сомнѣній, искалъ въ нихъ откровенія. Я читалъ о Богѣ, царящемъ надъ міромъ, дающемъ людямъ и правду, и счастье, и миръ. Но тутъ

снова новый рядъ гнетущихъ сомнѣній наполнилъ меня. Я нашель Бога, вѣрилъ всѣми атомами моего существа въ Него, въ Его великую мощь, но я не зналъ какъ долженъ я служить моему Богу, какъ начать новую жизнь. И я снова обратился къ книгамъ... Сначала сталъ я изучать Вѣтхій Завѣтъ, но чувствовалось, что чего-то не достаесть. Я обратился къ Новому Завѣту и свѣтъ яркаго солнца правды и добра озарилъ меня. Великая правда христіанства, свѣтлый образъ Христа, принявшаго мученическій вѣнецъ за грѣхи міра, поглотили меня своимъ величіемъ и красотой. Я преклонился передъ великимъ духомъ святой любви и какого-то неземнаго величія.

Черезъ грань вѣковъ прошли Его великіе завѣты, преломляясь, какъ въ призмѣ, въ глубинѣ сердець человѣческихъ, прошли и живутъ нетлѣнно и понынѣ. Христоръ былъ вождемъ униженныхъ и оскорбленныхъ, Онъ былъ живымъ протестомъ смятенныхъ душъ—Онъ былъ защитникъ и утѣшитель, былъ свѣтлый лучъ правды! Въ немъ, какъ въ главномъ фокусѣ, сочетается вся чистота міра, вся красота божественно-человѣческаго бытія.

Сбылись ожиданія іудеевъ: явился Мессія, принесшій собою избавленіе человѣчеству.

Иисусъ явился на Землю, чтобы очистить грѣхи міра и принять ихъ на Себя. Свершилось! Искры Его благодати зажгли въ сердцѣ моемъ божественный факель, питаемый глубокой вѣрой въ Бога, Христа и Святого Духа.

Ю. Э.

Выше приведенныя письма есть, конечно, частичные звуки, раздающіеся среди евреевъ, единичныя проявленія стремленія приобщиться къ христіанству. Болѣе яркимъ и характернымъ признакомъ растущаго въ еврейской средѣ тяготѣнія къ Христу служить то обстоятельство, что выдающіеся критики, художники, ученые то намеками, то въ откровенной формѣ указывать на необходимое возрожденіе еврейскаго народа въ новомъ духѣ.

Извѣстный еврейскій писатель д-ръ Клаузнеръ находитъ, что творческій духъ еврейскаго народа возродится только при условіи, если чистая вѣра снова начнетъ биться въ еврейскихъ сердцахъ, если сами евреи перестанутъ „лукавомудрствовать“ и станутъ ближе къ жизни и „тогда можетъ родиться Святой Духъ“).

Этими словами Д-ръ Клаузнеръ отрицаетъ, собственно говоря, жизненность раввинскаго іудаизма и показываетъ весь вредъ, принесенный евреямъ талмудической казуистики. Фарисеизмъ не есть прямой наслѣдникъ духа пророковъ, а чужой и враждебный самозванецъ, который, ставя націонализмъ и сепаратизмъ выше религіи, успѣлъ ввести Израиля въ заблужденіе, уведшаго его далеко отъ новыхъ источниковъ божественной правды.

Не противостоять Христу должны евреи, а привѣтствовать Его. Христось одинаково любитъ всѣ народы и одинаково тепло относится ко всѣмъ людямъ, согрѣвая cadaго на своей многострадальной груди.

Христіанство не идетъ противъ Еврейской націи, а противъ еврейскаго узкаго сепаратизма. Христось своимъ ученіемъ не убиваетъ національное самосознаніе отдѣльныхъ народовъ, а, наоборотъ, развиваетъ въ нихъ, по мѣрѣ ихъ прближенія къ Нему, чувство самосознанія и возвышаетъ ихъ личное „я“. А народы, состоящіе изъ сознательныхъ и возвышенныхъ индивидуумовъ, пользуются тѣмъ божественно-человѣческимъ счастьемъ, котораго теперь не хватаетъ еврейскому народу.

П. Т. Левертовъ.

*) „Haschiloach“, 1909 г., Іюнь.

ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ДЕЛО

ВАРШАВА

(Гортензія, д. № 3).

продаются слѣдующія произведенія
Павла Григорьевича ЛЕВЕРТОВА.

- 1) „ЖИЗНЬ І. ХРИСТА“ (2 ое издание)
ц. 1 р. 50 н.
- 2) „ЖИЗНЬ АП. ПАВЛА“ ц. 1 р. 50 н.
- 3) „ИЗРАИЛЬ и ЕГО РЕЛИГІЯ“ (Опытъ бг-
гословско-философскаго обзорѣнія исторіи из-
раильскаго народа) 2-ое изд. ц. 1 р.
- 4) „ОНЪ и Я“. Разсказъ ц. 20 н.
- 5) „ИСПОВѢДЬ Св. АВГУСТИНА“ переводъ
съ латинскаго ц. 1 р. 80 н.
- 6) „СЕРЬЕЗНЫЕ ВОПРОСЫ“ (переводъ съ
нѣмецкаго профессора Делича) ц. 50 н.
- 7) „ЖИВОЙ ХРИСТОСЪ“ переводъ съ ан-
глійскаго проф. Форсайза ц. 5 н.

Цѣна 20 коп.

F

22.190